

**Историческая память
как государственное преступление
(по материалам политического сыска
первой половины XVIII века)**

Статья, основанная на широком комплексе архивных источников, затрагивает три важных сюжета: 1) отражение исторических событий в массовом сознании общества первой половины XVIII в., интерпретация в народной среде истории страны и династии; 2) особенности и формы политического преследования так называемых непристойных слов, в которых была отражена история, и 3) конструирование истории в интересах правящего государя, включая элементы «исправления» и умолчания исторических событий в официальной интерпретации.

Ключевые слова: историческая память как объект политического сыска; «непристойные слова»; народные толки о правящих царях; история династии; управление исторической памятью; контроль исторической памяти

Evgeniy Anisimov

**Historical Memory as a State Crime
(Based on the Materials of Political Investigation
in the First Half of 18th Century)**

Based on a wide range of archival sources, the article touches on three important subjects: 1. reflection of historical events in the mass consciousness of the society, interpretation of the history of the country and dynasty by the people; 2. Features and forms of political persecution of the so-called “obscene words” that reflected history; and 3. construction of history in the interests

of the ruling sovereign, including elements of “correction” and omission of historical events in the official interpretation.

Keywords: historical memory as an object of political investigation; “obscene words”; popular talk about the ruling tsars; the history of the dynasty; control of the authorities over the historical memory of society

Самым распространенным видом государственных преступлений в конце XVII – XVIII в. были так называемые непристойные слова. Этим термином обозначалось всякое словесное оскорбление чести государя («Непристойные слова, касающиеся чести государя»). Защита же чести государя, как защита личности и власти царя, была важнейшей функцией политического сыска, причем она непосредственно распространялась не только на суждения о ныне правящем государе, но и на рассказы и суждения о прошлом династии, об истории страны вообще. Земной облик и жизнь монархов всех времен – тема безусловно запретная для разговоров, она приводила тысячи людей, которые невольно или умышленно ее касались, в застенки. Знакомство с делами политического сыска оставляет впечатление, что подданным было запрещено обращать внимание на возраст и отчасти на пол правителя. Запрет на это вполне укладывается в традиционную систему сакральных представлений о самодержце как о земном боге. В официальной идеологии у государя нет возраста и не акцентируется пол. Человеческие болезни государя, его физические недостатки, старость, частная, а тем более интимная, жизнь и вообще всякие сведения о его человеческой природе были для подданных под строжайшим запретом, являлись табу. Рассуждать о возрасте правящего государя, о естественных пределах, которые полагает небесный Бог жизни бога земного, не говоря о сознательном камлании и магических ритуалах по поводу тела и духа правителя, значило совершать государственное преступление. Непременно наказывали людей, которые только рассуждали, сколько еще лет проживет государь, или касались темы неизбежной в будущем кончины самодержца. В ноябре 1718 г. одного из денщиков А. Д. Меншикова допрашивали о том, говорил ли он «недостойные слова такие, что по которых мест государь жив, а ежели умрет, то быть другим, а [кто] имянно

не сказал»; в 1725 г. брянского архимандрита Иосифа обвиняли «в желании смерти» Петру I из-за его слов: «В животе и в смерти Бог знает какова будет и в три года премена»; в 1729 г. расследовали дело архангелогородского посадского человека Петра Петрова, сказавшего про правящего государя Петра II «в разговорах»: «Бог знает долго ли пожить будет, ныне времена шаткие» [2, л. 303об., 366; 4, л. 1об.].

Разрушение сакральности самодержавия – процесс естественный для конца Средневековья, но он резко усилился с того момента, когда в конце XVI в. пресеклась династия Рюриковичей и началась борьба за трон и крайне деструктивная для народного сознания Смута с господством в ней самозванцев, унижением статуса самодержца, общим падением престижа верховной власти и т. д. Пришедшая в 1613 г. к власти династия Романовых так и не сумела (по крайней мере в первые два столетия своего господства) утвердиться в сознании народа как легитимная и авторитетная власть. Прав К. В. Чистов, который писал, что для возникновения и широкого хождения в народной среде легенд об «истинном царе», добром и справедливым, «необходимо, чтобы правящий царь был признан не „прямым“, не „истинным“, „не прирожденным“» [13, с. 95].

Поведение царей и особенно цариц XVIII в. в народном сознании как бы постоянно подтверждало «неистинность» происхождения членов династии Романовых. Петр I своим «плебейским» поведением, невиданными реформами и малопочтенными в глазах народа адюльтерами немало способствовал разрушению святости восприятия самодержавия. Женщины (в том числе две вдовы и девица), сидевшие на русском троне после него почти три четверти века, при этом окруженные любовниками, усугубили этот разрушительный процесс. Вообще, женщина, да еще незамужняя или вдовая, на священном престоле русских царей – явление «засорное», тема неисчерпаемая для «непристойных» и непристойных без кавычек разговоров, за которые людей тащили в сыск, резали языки и ссылали в Сибирь. Словом, в XVIII в. (и без влияния идей Просвещения) от официальной доктрины о царе как земном боге, кроме шлейфа непристойностей на эту тему, кажется, ничего не осталось.

Подданные, особенно в своем узком кругу, а порой и публично без всякого почтения высказывались о своих прежних и нынешних правителях как о земных, грешных людях, иногда безапелляционно, цинично и грубо судили их поступки. Несколько женщин были арестованы в 1736 г. за «непристойный разговор» о земном боге, точнее «богине»: «Един Бог без греха, а государыня плоть себе имеет, она-де гребетца» [7, л. 250]. Данные политического сыска за конец XVII – XVIII в. убеждают, что для народа не существовало ни одного порядочного, доброго, мудрого, справедливого к людям монарха. А уж о моральном облике почти всех государей в общественном сознании имелось устойчивое отрицательное суждение. Кажется, что простолюдины, сами далекие от праведной, высокоморальной жизни, были необыкновенно требовательны к нравственности своего властителя. Только проведший всю свою жизнь в тюрьме Иван Антонович и убитый женой-злодейкой Екатериной II император Петр III вызывали народные симпатии, да и то, скорее всего, потому, что они не успели посидеть на престоле и нагрешить. Впрочем, воцарившегося всего на полгода Петра III с самого начала окрестили «чертом» и «шпиёном».

Неудивительно, что при таком отношении к правящим монархам обращение множества людей к истории (особенно к истории династии) вызывало серьезное беспокойство властей. Борьба с «непристойными словами» касалась во многом именно проявления исторической памяти, особенно когда настоящее сравнивалось с прошлым. Так, в 1682 г., когда царевна Софья, находившаяся у власти, обеспокоилась о слухах, ходивших в обществе, был опубликован указ, запрещающий под угрозой смертной казни слушать «смутные и похвальные речи Московскому смутному времени», то есть событиям начала XVII в., а также произносить «непристойные слова о государях» [10, с. 245].

При Петре I и после него понятие «непристойные слова» как тяжкое государственное преступление трактовалось очень широко. В сущности, говорить о государе и обо всем, что с ним связано, в прошлом было запрещено, будь то не только сплетни, слухи, но и воспоминания, рассказы очевидцев о царе и его окружении

(а такое обычно запоминалось надолго), притом что речь шла об общеизвестных, упоминаемых в официальных документах фактах. Григорий Чечигин в 1728 г., узнав, что бывшая царица – первая жена Петра I Евдокия – возвращается из ссылки, сказал: «Эта-де та царица идет в Москву, которую Глебов блудил (выговорил прямо)». На допросе он показал, что «те слова говорил он, видя о том в печатном манифесте». Это была правда – в опубликованном манифесте 1718 г. сказано, что любовник бывшей царицы майор Степан Глебов «винился, что ходил к ней, бывшей царице, безвременно для того, что жил с нею блудно два года». Памятливому Чечигину тем не менее били кнутом и сослали в Сибирь «на вечное житье», скажем так, за памятьливость [5, л. 1]. В 1733 г. был сослан в Сибирь некто Маликов, который рассказал товарищу анекдотичный рассказ своего деда, Антона Беляева, о слабоумном царе Иоанне Алексеевиче – отце правящей государыни Анны Иоанновны: «Как... Иоанн Алексеевич здоровствовал и изволил ис покоев своих выйти в нужник, и в то время вор и клятвопреступник стрелецких полков пятисотенный Ивашка Банщиков завалил ево, государя, дровами, и он, Антон, услышав ево, государя, крик, прибежав ко оному нужнику вскоре, оные дрова разобрал и ево, государя, от смерти охранил» [7, л. 225]. Преследовались даже вроде бы положительные оценки правителей, данные им в виде популярных в народе сказок и анекдотов о царях-государях и их героических подвигах, а также об их любовных похождениях. Для сыска было неважно, есть ли в рассказе осуждение или, наоборот, содержится похвала мужским достоинствам царя. В 1714 г. секли кнутом крестьянина Васильева, который сказал о Петре I: «Государь-де наш княгиням и боярыням не спускает». В 1744 г. били кнутом и резали ноздри «сказителю» сержанту Михаилу Первову, поведавшему бдительному товарищу по казарме затейную сказку о Петре Великом и воре, который якобы разоблачил покушение на царя, причем оба героя сказки – царь и вор – в пересказе сержанта отличались весьма симпатичными, даже геройскими чертами. Словом, история, прошлое становилось в какой-то момент опасным предметом для бесед. Тем более если речь шла о монархии, династии, персоне самодержца. Если же

эти воспоминания к тому же имели негативный оттенок, то вина воспоминателя особо усугублялась. После смерти Петра I преследовали людей, которые рассказывали разные эпизоды из бурной жизни грозного царя. Эти воспоминания были по преимуществу отрицательные. Монах Иосиф, получив в 1725 г. манифест о смерти царя, произнес такую криминальную эпитафию над покойным: «Читаючи про Его императорское величество, говорил с сердца: „Вот-де ходил, жрал, срал, портки подтыкал и то-де в книге написали, да и по церквям-де читай!“» [2, л. 303].

Без риска оказаться без языка или в ссылке в Сибири нельзя было распространяться о происхождении российских монархов. А между тем народ в своих рассказах «писал» крайне неприличную генеалогическую картину своих правителей. «Роды царские пошли неистовые, – рассуждал в 1723 г. тобольский крестьянин Яков Солнушков, – царевна-де Софья Алексеевна, которая царствовала, была блудница и жила блудно с бояры, да и другая царевна, сестра ее (вероятно, Марфа Алексеевна. – *Е. А.*) жила блудно... и государь-де царь Петр Алексеевич такой же блудник, сжился с блудницею, с простою шведкою, блудным грехом, да ее-де за себя и взял и мы-де за таково государя Богу не молимся... от царевича Алексея Петровича родился царевич от шведки с зубами, непрост человек» [8, л. 655]. Подобные суждения в многообразных вариациях «записаны» политическим сыском в самых разных концах страны. Бесчисленное множество раз передавались легенды о том, как девочку, которая родилась у царицы Натальи Кирилловны, подменили на немецкого (в другом варианте – шведского) мальчика из Кокуя, и из него вырос Петр I. Естественно, толпе не нравилось, что императрица Екатерина I вышла из прачек-портомой, ловко залезла к царю в постель, «не прямая царица – наложница» и он «живет с нею, сукою, императрицею, несколько лет не по закону». Император Петр II был плох тем, что родился от «нечистой (некрещеной) девки», «шведки», «до закона прижит», да еще, как уже упомянуто выше, появился на свет «с зубами». Об императрице Анне Иоанновне ходили слухи, что ее настоящий отец – немец-учитель и что вообще она – «Анютка-поганка». За такие слова резали

языки и ссылали в Сибирь. Об императрице Елизавете Петровне говорили одно и то же лет сорок: бастард – «выблядок», «прижита до закона», что ей, учитывая ее происхождение, «неподлежит... на царстве сидеть – она-де не природная и незаконная государыня, императора Петра Великого дочь». Не успел родиться в 1754 г. цесаревич Павел Петрович, как и о нем уже говорили, что он «выблядок» [2, л. 333 об., 361; 12].

Вообще, изучая «исторические экскурсы» подследственных Тайной канцелярии, нетрудно прийти к выводу о крайне негативном отношении широких народных масс к верховной власти, настойчивом «сочинении» оскорбительной генеалогии династии, господстве уничижительного и дерзкого «глумства» о происхождении царей. Типичен разговор 1729 г. попа Михаила Васильева и крестьянина Василия Носа (запись в протоколе Тайной канцелярии): «Оной-де Нос спросил ево, попа: „Ты что за человек и из кого родился?“ И он, поп, ему сказал: „Я – поп и родился из попа, понеже как отец, так и дед мой, были попы, а ты из мужика родился и мужичей ты сын, и дед-де твой хам есть, и тот же Нос“. На те ево, поповы, слова ему, попу, говорил: „Коли ты меня называешь мужиком, что я родился из мужика, и дед мой был хам, то и Его императорское величество родился из бобыля“, и те ево слова слышали свидетели по именам семь человек». Итог разбирательства дела в сыске для Носа был печален: кнут, вырезание ноздрей, Сибирь, каторга навечно [2, л. 367 об.].

Право пускаться в исторические экскурсы признавалось монополией власти, только она маркировала деятелей прошлого по своему усмотрению, оставляя преимущественно события, служащие «к славе отечества», и только тех деятелей, которые эту славу ей приносили. Так, несмотря на реки крови, которые пролил Иван IV, он во всем официозе XVIII в. фигурировал как сугубо положительный персонаж. Петр I в 1722 г. сказал, что Иван Грозный – для него образец пока недостижимый и «глупцы только, коим не известны обстоятельства его времени, свойства его народа и великие его заслуги, называют его мучителем» [11, с. 59–60]. Иная интерпретация царствования Грозного считалась криминалом. Так, одним

из обвинений кабинет-министра А. П. Волынского в 1740 г. было то, что он называл Ивана IV тираном. Кстати говоря, историческая память народа в оценке Грозного полностью совпадает с официальной – в XVIII в. он оставался одним из самых популярных героев народных рассказов об истории, причем в народное сознание запали самые разные эпизоды его царствования. Но при этом власть не допускала отклонений и «вольностей» в интерпретации правления Грозного и его деяний. В 1756 г. колодник Федор Зонин был казнен за слова: «Как-де Казань брали, так татары царя Ивана с раскатов дразнили, заголя жопу, хлопали ладонями: „Вот-де возьмешь!“». И царь-де Иван, по взятые Казани, отдал татарскую царицу Елену на блуд» [1, л. 143 об.]. То, что в 1732 г. рассказал самозванец Тружник из Тамбова, действительно подтверждается историческими источниками, но интерпретация в устах рассказчика вызывала неприятие власти. Тружник повествовал окружающим, каким грозным царем он будет, придя на трон, и упомянул при этом о расправе царя Ивана со стремянным Васькой Шибановым: «И бояром-де не житье будет, а которые и будут, и тем-де хуже мужика находитца. И буду их судить с протазанами, воткня в ногу, как было при царе Иване Васильевиче» [2, л. 19].

Общее официальное отношение власти к истории состояло в том, чтобы заставить людей жить только сегодняшним, идеологически одобренным днем, добиться, чтобы подданные меньше вспоминали прошлое. Информация о прошлом строго контролировалась, регулировалась властью, которая следила за тем, чтобы историческая память отдельного человека совпадала с официальными трактовками. При этом власть последовательно «закрывала» отдельные исторические события для обсуждения их в обществе, табуизировала их. Только одно упоминание в разговоре целого ряда имен: Лжедмитрия (Отрепьева), Шуйского, Разина и некоторых других антигероев – с неизбежностью вела к розыску и наказанию такого «знатока» отечественной истории. Нежелательные для власти события и персоны (даже в то время живущие) исчезали из официальной исторической памяти, как будто бы никогда и не существовали. После 1708 г. из исторического пространства исчез

гетман Мазепа (упоминался только при возглашении анафемы), в 1727 г., с приходом на престол императора Петра II, сына казненного царевича Алексея, были изъяты манифесты 1718 г. по делу его отца и его сторонников. Одновременно запрет наложили на главное идеологическое сочинение петровской эпохи «Правду воли монаршей» Феофана Прокоповича, установившей право государя по своей воле назначать преемника из-за того, что там шла речь об «измене» царевича Алексея как главной причине создания этого сочинения. Был отменен и учрежденный Петром I церковный праздник 30 августа в честь святого Александра Невского. Сделано это было только потому, что в тексте молитвы к этому празднику содержался намек на неблагодарное отношение непослушного сына (царевича Алексея) к своему отцу (царю Петру). Сам текст молитвы был изъят из всех церквей. Позже императрица Анна Иоанновна восстановила этот православный праздник, существующий и до сих пор.

Особенно показательно отношение власти к царствованию императора Ивана Антоновича (1740–1741 гг.). При Елизавете Петровне имя свергнутого ею младенца-императора Ивана Антоновича было запрещено. В официальной исторической памяти получалось так, что после смерти Анны Иоанновны в октябре 1740 г. сразу стала править Елизавета, пришедшая к власти в ноябре 1741 г. Таким образом в прошлом, причем совсем еще недавнем, памятном всем современникам, образовалась лакуна: царствование Ивана как бы исчезло из истории России. Более того, имя царя-младенца запрещалось даже упоминать, в крайнем случае прибегали к эвфемизму («в правление известной персоны» или «известная особа»). Даже при Екатерине II, отличавшейся терпимостью, Иван Антонович упоминался официально, но с «понижением в чине» – не как «император», а как «принц Иоанн». И только во время празднования 200-летия Петербурга в 1903 г. портрет императора на стендах у Медного всадника занял свое законное место между портретами Анны и Елизаветы. Но при Елизавете была проделана уникальная «хирургическая операция» над исторической памятью общества: все документы времен царствования Ивана, а также всевозможные

изображения, монеты были запрещены и изъяты из обращения. По указу 1744 г. публично сожгли присяжные листы, по которым подданные (в том числе Елизавета) в 1740 г. присягали на верноподданство императору Ивану Антоновичу. Именные указы, протоколы правительственных учреждений всех уровней с его титулом, иные бумаги за это время были вырваны из журналов и папок протоколов всех учреждений, связаны вместе и опечатаны. (Насмешкой Клио над теми, кто пытался управлять временем и историей, стала полная публикация этой связки бумаг в XIX в. [9].) Выдирали также из книг обычные верноподданические посвящения юному императору. Важно, что запрет на память об этом царствовании был неформальным – с этого времени держать у себя документы, книги с посвящением, монеты и прочее с титулом и изображением Ивана Антоновича стало преступлением, которое в документах сыска называлось: «Хранение на дому запрещенных указов, манифестов и протчего тому подобного». В 1755 г. арестовали отставного асессора Михаила Семенова «за имевшие им у себя с известным титулом манифесты», и затем, после расследования, велено было его сослать «в его деревни до кончины живота его никуда неисходно». И это можно назвать еще весьма гуманным решением верховной власти: в 1747 г. пытали в застенке пуговичного подмастерья Каспера Шраде, у которого при таможенном досмотре в Нарве (он возвращался в Германию) нашли пять монет с профилем Ивана Антоновича. Он так и не увидел родины – его сослали навечно в Оренбург. На следующий год целовальника Недопекина взяли в Тайную канцелярию за то, что привез из Пскова соляной сбор – две бочки денег, и при счете среди 3899 рублевиков был обнаружен один с изображением профиля Ивана Антоновича. Такой недосмотр чиновника стал государственным преступлением. Да и в частной беседе помянуть об императоре Иване, а тем более выразить сочувствие ему и его несчастной семье, заточенной в Холмогорах, стало смертельно опасно [3, л. 83–85].

Интерес и знание фактов отечественной истории могли принести человеку из высшего слоя общества того времени большие неприятности. Самым ярким примером того, как любовь к истории

привела на плаху, служит дело 1740 г. кабинет-министра Анны Иоанновны А. П. Волынского, который написал историческое предисловие к своему проекту об исправлении государственных порядков. Экскурс в прошлое, особенно в связи с настоящим, квалифицировали как опасное антигосударственное деяние. Особо беспокоило власть то, что Волынский упорно интересовался своими предками. На родовом древе Волынских, известных в русской истории с XIV в., он приказал изобразить двуглавого орла, что было расценено как оскорбительная для власти дерзость. Особое раздражение следователей вызвало то, что Волынский много читал летописей, исторической литературы, пускался в «дерзновенные» исторические аналогии, сравнивал «суетное и опасное» современное ему время императрицы Анны Иоанновны с правлением Бориса Годунова. Эти и другие исторические экскурсии стали основой для обвинения не только в оскорблении власти, но и в намерении захватить престол [6, л. 13].

Словом, общее официальное отношение власти к истории состояло в том, чтобы заставить людей жить только сегодняшним, идеологически одобренным днем, добиться, чтобы подданные меньше вспоминали прошлое. Эта политика, характерная для всего XVIII в., тем не менее оказывалась малоуспешной – обращение к истории (часто в укоризну современности) было имманентной чертой общественного сознания, а запрет на историческую информацию и грозящее наказание за ее разглашение лишь разогревали острый интерес людей к прошлому, что становилось предметом политического сыска.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

1. РГАДА (Российский государственный исторический архив). Ф. 7. Оп. 1. Д. 3.
2. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5.
3. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 23.
4. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 26.
5. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 66.
6. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 205.
7. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272.

8. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1.

9. Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции : в 2 кн. М., 1880–1886.

10. Восстание в Москве 1682 г. : сборник документов. М. : Наука, 1976.

11. *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. 2-е изд. СПб., 1838. Т. 9.

12. *Кашикаров В. М.* Государево слово и дело // Русский архив. 1912. Кн. 1. № 3. С. 321–331.

13. *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967.